

Как уравновесить «разноцветные молекулы» с «зелеными электронами» в общем энергетическом будущем России и ЕС

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

Профессор, д.э.н.,

Советник Генерального директора, ООО «Газпром экспорт»

Сопредседатель со стороны России Рабочей группы 2 «Внутренние рынки»

Консультативного Совета Россия–ЕС по газу, профессор кафедры

«Международный нефтегазовый бизнес РГУ нефти и газа им. Губкина»

Второго сентября 2009 года в местечке Альпбах в австрийских Альпах проходил ежегодный Экономический симпозиум, в тот раз под названием «Будущее безопасности поставок – как газовый кризис влияет на энергетическую политику Европы?». В ходе панельной дискуссии у меня состоялись серьезные дебаты с тогдашним Председателем австрийского энергетического регулятора Energy Control (E-Control) доктором Вальтером Больцем, в том числе в отношении предстоящего Третьего энергетического пакета ЕС (ТЭП). Последний должен был вступить в силу на следующий день, третьего сентября 2009 года, и было хорошо известно, что В. Больц был одним из его создателей. В ходе дискуссии я высказал несколько обоснованных озабоченностей, вызывающих

опасения не входящих в состав ЕС поставщиков (включая мое видение таких опасений с точки зрения «Газпрома»), в отношении формируемой ТЭП новой архитектуры рынка газа в ЕС и создаваемых им дополнительных рисков для существующей контрактной структуры поставок внешних поставщиков газа в ЕС.

Сразу же после дебатов, в кулуарах семинара, Вальтер предложил мне организовать по горячим следам совещание представителей компании «Газпром» (как единственного экспортера российского газа в ЕС) и энергетических регуляторов стран-членов ЕС. На этом заседании последние смогли бы пояснить свои намерения в отношении формируемой архитектуры единого внутреннего рынка газа ЕС в ответ на высказываемые озабоченности со сто-

роны России; такая встреча помогла бы, на его взгляд, устранить «недопонимания» с российской стороны. Однако, по моему мнению, для разъяснения всех спорных вопросов одной встречи было бы явно недостаточно. Поэтому, в свою очередь, я предложил Вальтеру альтернативный вариант: для обеих сторон может оказаться более полезным организовать процесс регулярных неформальных консультаций, чтобы иметь возможность своевременно (предпочтительно заранее) рассматривать обоснованные озабоченности российской стороны в отношении формируемой системы регулирования единого внутреннего рынка газа ЕС.

И Россия, и ЕС были и являются взаимозависимыми составными частями «Большой энергетической Европы» – географического пространства, которое включает всю Европу, часть Азии и Северную Африку

Ведь вслед за принятием ТЭП должна была последовать разработка соответствующей нормативной документации, как юридически обязывающей, так и не имеющей юридической силы, рекомендательной (Рамочные руководящие указания, Сетевые кодексы, Целевая модель рынка газа и пр.), которая должна была бы, по моему мнению, быть основана на балансе интересов зависящего от поставок импортного газа ЕС, с одной стороны, и его ключевого, не входящего в состав ЕС, поставщика (или поставщиков) газа, с другой, особенно ввиду того, что исторически такие долгосрочные широкомасштабные трансграничные поставки газа осуществлялись через капиталоемкую стационарную газовую инфраструктуру. И с этой точки зрения и Россия, и ЕС были и являются взаимозависимыми составными частями (как я ее называю) «Большой энергетической Европы» – географического пространства, охватываемого этой инфраструктурой, которое включает всю Европу, в том числе страны-члены и не-члены ЕС, часть Азии (российская Западная Сибирь, страны Центральной Азии и Кавказа, Турция) и Северную Африку.

После быстрого согласования этой инициативы в столицах мы договорились об организации процесса неофициальных консультаций между российскими экспертами, с одной стороны, и энергетическими регуляторами и операторами ГТС стран-членов ЕС при участии представителей Европейской комиссии, с другой, по вопросам нормативно-правового регулирования формирующегося внутреннего рынка газа ЕС. Мы начали проводить такие неофициальные консультации (Консультации) в январе 2010 года под совместным председательством (продолжается по сегодняшний день) гг. В. Больца и А.И. Медведева (заместитель Председателя Правления ПАО «Газпром»).

В течение двух лет была доказана эффективность этого процесса, и в конце 2011 года была создана неофициальная межправительственная структура под покровительством министра энергетики России и комиссара ЕС по энергетике – Консультативный совет по газу (КСГ) Россия–ЕС с тремя рабочими группами: по прогнозам и сценариям, по внутренним рынкам и по инфраструктуре. Сопредседателями КСГ были назначены тогдашний генеральный директор Генерального директората Еврокомиссии по энергетике г-н Филип Лоу и заместитель министра энергетики России Анатолий Яновский. На самом первом заседании КСГ в октябре 2011 года по предложению г-на Ф. Лоу цель деятельности КСГ была сформулирована как «совместная работа по снижению рисков и неопределенностей [в газовой сфере между Россией и ЕС] до приемлемого уровня». Г-н В. Больц и я были назначены сопредседателями Рабочей группы 2 «Внутренние рынки» (РГ2). Третьего мая 2018 года мы провели 32 раунд Консультаций, совмещенный с 25-м заседанием РГ2 КСГ.

После вступления в должность новой Комиссии и выхода на пенсию г-на Ф. Лоу, сопредседателем КСГ от ЕС был назначен проф., д-р Клаус-Дитер Борхардт, директор по внутреннему рынку Генерального директората Еврокомиссии по энергетике. В 2014 году, после событий в Крыму и на Украине, проведение заседаний КСГ было приостановлено (так как, по мнению Комиссии, они представляют «политический уровень» взаимодействия России и ЕС, подпадающий под действие санкций во многих областях), но это не относится к рабочим группам КСГ, поскольку их деятельность рассматривается ЕС как «технический уровень» взаимодействия. Большая часть поддержки продолжающемуся процессу РГ2/Консультаций обеспечена благодаря персональной позиции гг. К.-Д. Борхардта и В. Больца в отношении этого процесса. Они хорошо понимают, что независимо от наличия сфер во взаимоотношениях России и ЕС, в которых стороны «соглашаются не соглашаться», должен существовать непрерывный диалог между двумя сторонами вследствие их объективной взаимозависимости в области энергетики. И особенно в отношении газа вследствие перечисленных выше причин – так как Россия и ЕС исторически (вот уже в течение 50 лет) связаны крупномасштабной протяженной трансграничной капиталоемкой стационарной инфраструктурой, которая в газовой отрасли является наиболее капиталоемкой и стационарной, по сравнению, скажем, с нефтяной или угольной. Поэтому, несмотря на политические флуктуации между сторонами на верхних уровнях (назовем это – на уровне «головы»), мы продолжаем конструктивные неформальные консультации по актуальным вопросам на рабочем уровне (назовем это – на уровне «шеи»).

РОЛЬ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК

Я знаю, что и В. Больц, и особенно К.-Д. Борхардт, имеют неоднозначную репутацию в профессиональных кругах в моей стране, в связи с их ролью в регуляторной деятельности, оказавшей и оказывающей непосредственное влияние на экспорт российского газа в ЕС.

В. Больц как один из создателей ТЭП непреднамеренно собрал на себя все отрицательные субъективные оценки (будь то ложные или верные) в отношении самого ТЭП и всех связанных с ним «рисков либерализации». Эти субъективные оценки концентрировались на реальных негативных последствиях ТЭП для существовавшей в то время контрактной структуры поставок российского газа в ЕС. Но при этом критики ТЭП не обращали внимания на те дополнительные потенциальные новые возможности, которые новая (формируемая) архитектура внутреннего рынка газа ЕС создавала для поставок российского газа в случае ее адаптации к условиям ТЭП.

Россия и ЕС исторически (вот уже в течение 50 лет) связаны крупномасштабной протяженной трансграничной капиталоемкой стационарной инфраструктурой, которая в газовой отрасли является наиболее капиталоемкой и стационарной

К.-Д. Борхардт считается некоторыми персоналиями в России «убийцей "Южного потока"» (с чем я лично не согласен) и человеком, который стремится замедлить реализацию «Северного потока-2». Ведь именно он от Еврокомиссии озвучил и курирует проведение через политические и законодательные органы ЕС внесение изменений в законодательство ЕС, направленных фактически против данного конкретного проекта в поддержку четко сформулированной позиции США и Украины, нацеленной на предотвращение строительства этого трубопровода. По данному вопросу мы придерживаемся с ним противоположных взглядов. Мы с ним также имеем разные взгляды на оценку сценариев будущих нормативно-правовых изменений, предложенных в недавно опубликованном Генеральным директоратом ЕС по энергетике проекте Quo Vadis, и др.

Но мы всегда должны четко разграничивать области, в которых мы можем прийти к согласию, от областей, в которых мы «соглашаемся не соглашаться». И таким образом постараться в первую очередь расширить область «общего знаменателя» для нашего взаимодействия на основании подхода, нацеленного на увеличение обоюдной выгоды. И на продолжение, во втором случае, расширенного глубокого профессионального – и что еще более важно, неофициального – диалога, не зависящего от политической нестабильности в отношениях между двумя сторонами, направленного на улучшение понимания обоснованных озабоченностей сторон. Только таким образом можно осуществить переход от недопонимания, не допускающего взаимодействия, к взаимопониманию, являющемуся единственным прочным основанием для долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества, которое

представляет собой «безальтернативный путь» в газовых отношениях между Россией и ЕС.

К такой области, обозначающей перспективы потенциального расширения российско-европейского сотрудничества, может быть отнесена недавно возникшая тема: обсуждение будущей роли газа в ЕС.

РГ2 КСГ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОВЕСТКИ

С самого начала процесса Консультаций/РГ2 его повестки эволюционируют¹.

Мы начали, как было сначала предложено В. Больцем, с прояснения практических последствий ТЭП для поставщиков российского газа в ЕС, так как большая часть нормативно-правовой документации ТЭП была подготовлена энергосетевыми регуляторами ЕС методом проб и ошибок, о чем неоднократно говорил сам В. Больц. Простой пример из списка: одним из предложений по внедрению ТЭП от одного из (английских) консультантов ЕС был принудительный перевод – в течение всего лишь шестимесячного переходного периода – ВСЕХ долгосрочных контрактов (которые на тот момент доминировали в импортных и внутренних поставках ЕС), с пунктами сдачи-приемки (в случае поставок российского газа) глубоко внутри ЕС на границах стран-членов ЕС, на продажу всех контрактных объемов газа на виртуальных торговых площадках (которые в большинстве случаев еще предстояло сформировать) в только что сформированных ТЭП «рыночных зонах». Российской стороне пришлось доказывать (и это, действительно, заняло некоторое время), что такой принудительный перевод создаст хаос в поставках в зависящий от импорта ЕС и уничтожит надежность и стабильность газового рынка ЕС.

Мы всегда должны четко разграничивать области, в которых мы можем прийти к согласию, от областей, в которых мы «соглашаемся не соглашаться»

В 2013–2016 годах деятельность РГ2 главным образом концентрировалась на инфраструктурных аспектах формирования Сетевых кодексов на основе положений ТЭП. Это Сетевой кодекс по доступу к новым газотранспортным мощностям (CAM NC INC) и Сетевой кодекс по тарифам (TAR NC), которые были приняты и вступили в силу в начале 2017 года². В этой области мы в первую очередь работали над созданием процедуры по реализации принципа, сформулированного в п. 13.2 Третьей газовой директивы, что если существует рыночный спрос на новые мощности (наличие которого может быть протестировано при помощи процедуры т. н. открытого сезона/подписки), оператор ГТС

¹ См. повестки дня и протоколы совещаний WS2 GAC/консультаций по адресу www.fief.ru/GAC.

² См. соответствующие презентации совещаний WS2/консультаций по адресу www.fief.ru/GAC.

обязан проинвестировать создание этих мощностей. Мы активно обсуждали с коллегами из ЕС, в первую очередь, насколько создаваемая процедура будет обеспечивать эффективное привлечение финансирования и управляемость процесса создания новых мощностей ГТС, в том числе трансграничных, как внутри ЕС, так и со странами извне ЕС. Поэтому я не согласен с включением в CAM NC INC положения об обязательном резервировании части технических мощностей транспортировки (20% для существующих трубопроводов, 10% для новых трубопроводов) в пользу неких будущих краткосрочных потенциальных грузоотправителей. Поскольку остается неясным, кто будет оплачивать эти зарезервированные под будущие краткосрочные поставки, но пока не законтрактованные мощности. А это, в свою очередь, может наложить дополнительное финансовое обременение на тех долгосрочных поставщиков (грузоотправителей), которые законтрактовали будущие мощности под свои будущие поставки, и именно контракты этих грузоотправителей создают возможности оператору ГТС с целью привлечения финансирования для создания данных новых мощностей.

В 2013–2016 годах деятельность РГ2 главным образом концентрировалась на инфраструктурных аспектах формирования Сетевых кодексов на основе положений ТЭП

В прошлом году мы основное внимание уделили проекту Quo Vadis. В нынешнем году РГ2/Консультации будут концентрироваться на обсуждении будущей роли газа.

QUO VADIS

В 2017 году мы уделяли особое внимание в рамках РГ2/Консультаций проекту Quo Vadis, выполняемому по заказу Генерального директората по энергетике Еврокомиссии.

Почему Quo Vadis был принят участниками рынка так серьезно? Потому что он был представлен заказчиком, а следовательно, воспринят в профессиональной среде не просто как «интеллектуальное упражнение», не просто как «исследование», но как подготовка проекта дорожной карты к Четвертому энергетическому пакету ЕС. Более того, существует два различных типа исследований с различными ролями и последствиями для бизнеса: количественная оценка (не имеющие обязательной силы сценарии) и предлагаемые нормативные изменения (изменяющие мотивации участников рынка). Существует достаточно большое количество исследований первого типа. Но гораздо более важными являются исследования второго типа, число которых по определению намного меньше первых. Quo Vadis как раз относится ко второй группе.

Quo Vadis изначально был направлен на то, чтобы оценить эффективность разработанной в течение 2010–2016 годов целостной системы регулирования единого внутреннего рынка газа ЕС. Полный пакет нормативно-правовых документов этой системы включает сам ТЭП с тремя ключевыми документами по газу от 2009 года, шесть Сетевых кодексов (в которые были сведены изначально намечавшиеся к разработке 12 кодексов), Целевую модель рынка газа и др. Но в итоге Quo Vadis предложил ряд нормативных изменений, которые, с моей точки зрения, не только радикально меняют текущую архитектуру рынка газа ЕС на базе ТЭП, но будут явно дискриминационными (путем создания искусственных экономических и административных барьеров) в отношении поставок российского газа в зоне исторически сложившегося его присутствия и исторически обусловленного доминирования в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Это страны бывшего СЭВ, где с 1960-х вся газовая инфраструктура была сформирована для поставок советского/российского газа, которая не сильно изменилась с тех пор, как эти страны стали членами ЕС. Кроме того, я рассматриваю нормативные предложения Quo Vadis как комплексную программу ограничения поставок в ЕС более дешевого российского трубопроводного газа в пользу импортного СПГ, по большей части из США, поставка которого в ЕС обходится дороже по сравнению с российским газом. Это приведет не к повышению благосостояния ЕС (заявленная цель предложений Quo Vadis в техническом задании на его выполнение), но к его снижению, так как оптовые цены на газ ЕС в таком случае вырастут³.

Сценарии Quo Vadis представлены для рассмотрения в Еврокомиссию и пока не являются дорожной картой, хотя я не перестаю быть обеспокоенным тем, что новая Комиссия может принять его как техническое задание для подготовки Четвертого энергетического пакета ЕС.

Quo Vadis изначально был направлен на то, чтобы оценить эффективность разработанной в течение 2010–2016 годов целостной системы регулирования единого внутреннего рынка газа ЕС

Полная (включающая ТЭП, Сетевые кодексы к нему и др.) система регулирования газовой отрасли ЕС еще не прошла соответствующую «кривую обучения». Поэтому в настоящее время предлагать ее радикальные изменения является, по моему мнению, как минимум контрпродуктивным. И особенно, если они содержат дис-

³ См. мои различные публикации и презентации по вопросу Quo Vadis по адресу www.konoplyanik.ru.

криминационные ограничения для ключевого поставщика газа в зависящую от его импорта Европу.

А такие предложения, что досадно, существуют. Первым и наиболее существенным изъяном является так называемый «подход с нулевой суммой», предлагающий увеличить благосостояние ЕС за счет поставщиков, не входящих в ЕС. Например, тарифная реформа предлагает повысить входные тарифы в ЕС для поставщиков газа из-за пределов ЕС для компенсации предложенного обнуления тарифов «вход-выход» внутри ЕС. Сценарий комбинированного предоставления доступа к товарному газу и к мощностям по его транспортировке (CCCRS)⁴ предлагает увеличить краткосрочные квоты (резервирование технических мощностей ГТС для краткосрочных поставщиков) с текущих 10% (для новых/дополнительных) и 20% (для существующих) мощностей до 50% в обоих случаях и, более того, продавать 50% поставляемого газа на виртуальных торговых площадках (ВТП) в первой рыночной зоне после входа в ЕС. Плюс к этому, сценарий «стратегического партнерства апстрим-даунстрим», который появился как бы в ответ на комментарии российской стороны в ходе Quo Vadis, по факту предлагает такое сотрудничество на базе правил ЕС, т. е. путем применения действующего законодательства ЕС в России (широко известная концепция экспорта европейского права).

Ключевым вопросом на повестке дня РГ2 для 2018–2019 годов стала тема, которая имеет перспективы дальнейшего сближения России и ЕС, – тема роли газа в будущем

РОЛЬ ГАЗА В БУДУЩЕМ

Таким образом, у нас имеются разные вопросы в повестке дня заседаний РГ2/Консультаций: вопросы, по которым сохранились разногласия сторон (например, Quo Vadis и специфические вопросы некоторых сетевых кодексов), и вопросы, по которым мы можем, хотя не обязательно, прийти к единому мнению – например, роль газа в будущем.

Ключевым вопросом на повестке дня РГ2 для 2018–2019 годов стала тема, которая имеет перспективы дальнейшего сближения России и ЕС. Эта тема роли газа в будущем, основанная на видении, которое было неоднократно представлено на различных публичных форумах К.-Д. Борхардтом, являющимся главным архитектором внутреннего единого энергетического рынка ЕС в Еврокомиссии.

В конце января 2018 года В. Больц обратил мое внимание на видеосюжет, данное К.-Д. Борхардтом Флорентийской школе регулирования⁵. Затем последовала

⁴ «Combined Commodity-Capacity Release Scenario»

⁵ <https://eui.us6.list-manage.com/track/click?u=e8436952256eff80c1b1fcb37&id=b9dfa58211&e=d40e118157>

серия аналогичных презентаций К.-Д. Борхардта по вопросу роли газа в будущем. Он говорил об этом несколькими днями позже в Вене на Европейской газовой конференции, затем на наших личных с ним встречах. Эти взгляды, похоже, являются новым видением Еврокомиссии (представленным центральным лицом, отвечающим за вопросы внутреннего рынка). Мы с Вальтером согласились, что такое видение будущего энергетики ЕС может проложить путь к более тесному сотрудничеству между Россией и ЕС, поскольку оно предлагает более значительную роль газа (а следовательно, потенциально более значительную роль российского газа) в будущем энергетике ЕС, и что эта тема может занять основную часть повестки дня РГ2/Консультаций в 2018–2019 годах, будучи для сторон потенциальным общим знаменателем, возможным к расширению.

Поэтому мы с В. Больцем, как сопредседатели РГ2 КСГ, пригласили К.-Д. Борхардта представить свое видение на заседании РГ2/Консультаций, проходившем в Брюсселе 03.05.2018 г., на котором мы начали активную дискуссию по различным аспектам проблемы «роль газа в будущем». Эта дискуссия продолжится на следующем заседании РГ2/Консультаций 10.07.2018 в Санкт-Петербурге и на последующих встречах сторон.

Поэтому я попросил К.-Д. Борхардта пояснить более широкой профессиональной российской аудитории его видение роли газа в будущем, которое может считаться более разумным и возвращением к более сбалансированному подходу (с точки зрения экономики и энергетики), чем доминировавшее в недавнем прошлом (в политических верхах) ЕС представление о «полностью и только электрическом» (только электроны) будущем Европы (*интервью с К.Д. Борхардтом следует за данной статьей*).

Что особенно важно, так это четкая артикуляция отхода от такого доминировавшего в недавнем прошлом маргинального представления к более рациональному, сбалансированному видению будущего энергетики ЕС, заключающемуся в более эффективной комбинации электронов и молекул.

После российско-украинских транзитных кризисов импортный газ ассоциируется у политиков ЕС и общественности ЕС с российским газом, при этом с негативными – оправданно или нет – коннотациями

Я объясняю этот переход трехступенчатым движением, похожим на «эффект маятника»: от сбалансированного к крайнему отклонению и обратно к сбалансированному видению роли газа в будущем. Начальной точкой было сбалансированное видение будущего энергетики ЕС, включающего как молеку-

лы, так и электроны. Но в зависимости от импорта ЕС газовые молекулы окрашены в цвета национальных флагов иностранных государств, и, следовательно, вопросы трансграничной передачи и перераспределения ресурсной ренты были вопросами высокой политической важности и чувствительности. После российско-украинских транзитных кризисов импортный газ ассоциируется у политиков ЕС и общественности ЕС с российским газом, при этом с негативными – оправданно или нет – коннотациями (синдром январских 2006 года и январских 2009 года событий). Кроме того, складывается впечатление, что в формировании системы регулирования газа в ЕС доминируют люди с электроэнергетическим бэкграундом (та же команда идеологов, которая организовывала либерализацию телекоммуникационного сектора Великобритании, затем электроэнергетики континентальной части ЕС, затем газа континентальной части ЕС).

Это сместило видение будущего энергетики ЕС от сбалансированного к экстремальному, основанному на восприятии полностью электрического мира. Ключевыми причинами были декарбонизация (Парижское соглашение 2015 года – COP 21), вопросы надежности поставок, решение которых виделось в замещении импортируемых российских «молекул» (ископаемое топливо, следовательно, не экологично) на местные «электроны» (возобновляемые, следовательно, экологичные). На одном из недавних заседаний РГ2/Консультаций Стефан Кампус, председатель Европейского объединения операторов ГТС (ENTSO) и сопредседатель РГЗ КСГ, отметил, что, по общераспространенному мнению в ЕС, будущее энергетики ЕС представлялось как «цифровое, электрическое, возобновляемое».

Кажется, что видение архитекторов системы регулирования энергетических рынков ЕС начало снова смещаться в сторону более сбалансированной системы взглядов и представляет возврат к рациональной комбинации электронов и молекул

Теперь такое представление, похоже, более не кажется верным (по крайней мере, так следует из утверждений К.-Д. Борхардта). Кажется, что видение архитекторов системы регулирования энергетических рынков ЕС начало снова смещаться в сторону более сбалансированной системы взглядов и представляет возврат к рациональной комбинации электронов

и молекул. Наблюдается отход от маргинального и сильно политизированного видения только электрической Европы («цифрового, электрического, возобновляемого» будущего энергетики ЕС) в направлении более сбалансированного и, надеюсь, менее политизированного видения эффективной комбинации электронов и молекул в энергетике ЕС, основанной на декарбонизированном газе и возобновляемом электричестве.

Мы живем в «Большой энергетической Европе», а это предопределяет сотрудничество сторон. При этом следует понимать, что вследствие объективных причин Россия и ЕС могут иметь различные приоритеты в развитии газовых и энергетических рынков

Я надеюсь, что единственным «разделением по цветам» станет вопрос о том, «зеленые» ли эти молекулы или «незеленые», независимо от цветов их национальных флагов. Такой подход расширяет область возможного сотрудничества России и ЕС в отношении газа путем расширения области применения газообразного топлива в энергетике (то есть не только природного газа, но и его производных). Остается все еще открытым вопрос, пройдена ли точка невозврата во взглядах регуляторов, законодателей, политиков ЕС в отношении газа и его роли в будущем? Вот почему так важна, на мой взгляд, четко обозначенная позиция К.-Д. Борхардта – это своего рода лакмусовая бумажка для ЕС.

Важно продолжать совместные обсуждения на уровне Россия–ЕС, что подразумевает реализацию подхода не кто-кого (игра с нулевой суммой), а взаимной пользы (обоюдного выигрыша) в поиске сбалансированного видения роли газа в будущем. Мы живем в «Большой энергетической Европе», а это предопределяет сотрудничество сторон. При этом следует понимать, что вследствие объективных причин Россия и ЕС могут иметь различные приоритеты в развитии газовых и энергетических рынков (это и различный уровень и стадия экономического развития, и зависимый от импорта ЕС против зависимой от экспорта России, и зрелый энергетический рынок ЕС против развивающегося рынка России, и пр.). Поэтому декарбонизация (включая декарбонизацию газа), вопрос столь актуальный и острый для ЕС, может пока и не стать делом подобной же важности для России. Тем не менее обсуждение началось и будет продолжено. ❗